

РУЗАЛЬ МУХАМЕТШИН

ЛАЛЕ

РАССКАЗ

Комната была тесной. Казалось, если вдохнуть полной грудью, то, лишив пространство воздуха, упруешься в четыре стены. Плечи задевают потолок. Единственное окно украшено многоцветным орнаментом, похожим на кружево. Сквозь него просачивается тусклый свет.

Из выемки в побелённой стене шакирд достал крошечный, с напёрсток, стеклянный сосуд. Повернувшись лицом к свету, поднёс к глазам. Вгляделся.

Красная краска, словно горячая кровь легендарного Фархада!

Сколько кошенилей нужно раздавить и растолочь в муку, чтобы, смешав с маслом, добиться такой густоты, такой яркости, довести до такого совершенства? Если всмотреться пристальней, можно сказать, там до сих пор бесчисленное множество поправших смерть червецов: краска переливалась, была живой...

Шакирд сел на пол, по-восточному подогнув ноги. На колени положил доску. По еле различимым линиям на картоне прошёлся чёрным грифелем. Затем потянулся за гусиным пером... Однако пальцы, простёртые над паласом, повисли в воздухе.

Неожиданно вырвалось:

— Га-га-га!

МУХАМЕТШИН Рузаль Фаизович родился в 1989 году в деревне Татарская Тулба Кукморского района Республики Татарстан. В 2011 году с отличием окончил факультет татарской филологии Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. Автор нескольких поэтических сборников, книги прозы, также ряда пьес, поставленных на сцене театров республики. Лауреат Республиканской премии имени Мусы Джалиля (2013) и Литературной премии имени Шайхи Маннура (2022). Член Союза писателей Республики Татарстан. Работает в Кабинете министров Республики Татарстан. Живёт в Казани.

Он не спеша поднялся с пола. Встал у многоцветного кружева. Открыл окно. В лицо ударил поток горячего сухого воздуха. От ветра несло солоноватым привкусом...

Взгляд шакирда, будто в поиске чего-то неведомого, блуждал вдоль линии горизонта. Он вновь перебирал в памяти: там, за лесами и долами, в недостижимой даже для птиц дали, существует совершенно иной мир...

Там кипит всецело другая жизнь.

В своей суете и сутолоке.

Без него.

...Путник, в дороге обретёшь ты счастье своё, гласит народная мудрость. Так что попрощались мы сдержанно, избавив себя от ненужных сантиментов. Естественно, все мне пожелали благополучного путешествия.

Напоследок я встретился глазами с Аидой.

Аида — особая статья. Ничего общего с другими сотрудниками нашей конторы. В отличие от всех, она попрощалась со мной сердечно — обвила руками шею:

— Из Бухары привези мне солнце, сладости и... аленький цветочек, ладно?

От её жаркого дыхания мозг расплавился. Сознание, как сорвавшаяся с потолка люстра, рассыпалось на осколки. Я озяб, как только высвободился из её объятий.

— Договорились?

— Неужели от меня требуется ответ? — спросил я, едва приходя в себя.

— Можешь просто кивнуть.

— Хуш¹.

Аида довольно сносно владела татарским:

— Это ведь — не просто прощание, так?

— Нет.

— Тогда да?

— Да.

Так мы простились.

Прежде чем отправиться в аэропорт, мне нужно было заскочить домой, собрать своё барахло, отыскать паспорт и наскоро поскоблить лицо. В горле между тем подозрительно запершило, уж не промочить ли его слегка?.. Самую малость, на посошок. В первый раз же полечу на самолёте!

Итак... Республика готовилась к грандиозному юбилею Шигабутдина Марджани. Деяния, расписанные на год вперёд, были собраны в отдельный план. Разумеется, это хорошо. Но, как водится, в погоне за объёмом план был набит множеством крупно-мелких и важно-никчёмных мероприятий — под завязку.

Как госслужащий не могу сказать, что это плохо. План немедленно начал воплощаться в жизнь. Было изготовлено панно с изображением великого просветителя, его биографией и цитатами. Ещё в январе. С календарём — для пущей солидности. Вначале, как драгоценный подарок, панно распространялось по списку, включающему тщательно отобранные внушительные адреса. Но в конце года, когда выяснилось, что экономия оказалась чересчур экономной, прочие бюджетные организации тоже получили свою долю эксклюзива.

К тому времени республика уже готовилась к новому юбилею... Впрочем, я, кажется, опережаю события. Возвращаясь назад, хочу заметить следующее: в том плане, помимо всего, была предусмотрена установка памятной доски в бухарском медресе “Мир Араб”. Марджани-хазрат в нём обучался долгие годы. Это тоже хорошо.

Однако, что есть Бухара? Какая она, Бухара? Где находится? Как говорится, с чем её едят? Если со ржаным хлебом, то как намазывают — сверху или снизу?..

¹ Слово, означающее на татарском “хорошо”, “прощай” и др.

Во время межведомственного совещания ткнули пальцем в несколько лбов:

— Вы!.. Съездите и выясните.

Работа нечасто балует нас командировками. Особенно за границу. Особенно за государственный счёт. Поэтому данное поручение я воспринял в некоем ослеплении, можно сказать, с небывалым энтузиазмом:

— Будет исполнено!

Аэропорт был огромен до тошноты. Наша троица — ничтожно мала. Один — из министерства, другой — из духовного управления, третий — ваш покорный слуга.

Да, нас было трое. Пришлось поволноваться, прежде чем мы нашли друг друга. К счастью, Рафаэль довольно быстро появился в дверном проёме. Поздоровались. Немного погода подоспел хазрат, облачённый в чапан и чалму. Поздоровались. Делегация была в сборе. К слову, Рафаэль числился её руководителем.

От потери ориентации я ощущал себя овцой, заблудившейся в лесу. Какая сторона — правая, какая — левая? Где запад, где восток? Верх? Низ? В каком направлении следовать? Случайно набрёл на “зелёный коридор”, и то не посмел в него углубиться. Ждал, когда соберутся попутчики. Ведь только дедушке Ленину пристало указывать дорогу туда — не знаю куда.

Втроем встали на паспортный контроль. Тут хазрат что-то закинул в широко раскрытый рот и быстро прикрыл его рукой.

— Раньше под язык клал траву, — поспешно объяснил он. — Эта штука сильнее в разы. Иначе мозг не отключается...

Даже оторопь взяла — это меня-то, успевшего много чего испытать на себе в молодости. Заметив, как я переменялся в лице, хазрат счёл нужным пояснить:

— “Драмина”. — В его руке появилась пёстрая коробочка с лекарствами. — Плохо переношу качку в воздухе...

Для полноты картины: “Дурак!” — подсказал мне внутренний голос.

Через границу хазрата пропустили не без труда. Так прошли взглядом, эдак. Попросили улыбнуться, нахмурить брови. Посмотрели на него в профиль, анфас... В итоге запоздало: “Счастливого пути!” — не достигнув адресата, досталось мне. Впрочем, я и сам чуток замешкался.

— Цель вашей поездки?

— Командировка, — ответил я.

— Вы один?

— Нет. С делегацией. Вон хазрат только что прошёл...

Тут седой мир слегка всполошился.

Дама-контролёр, возможно, захотела уточнить:

— Вы разве тоже... *хазрат*?

Я её понял так: вы разве тоже... *в делегации*?

Неожиданно она вообще сократила вопрос:

— И вы... *тоже*?

К этому времени першение в моём горле прекратилось...

Нимало не оробев:

— Да, — ответил я, легко вздохнув.

Дама растаяла, как сливочное масло. Рот растянулся в улыбке. С какой-то стати. В мою ладонь проскользнул паспорт, помеченный розовой печатью.

— Добро пожаловать! Счастливого пути!

Видимо, у меня на лице написано: надёжный человек.

Оказывается, самолёт — сродни крылатой электричке!.. Такие же кресла. Такие же багажные полки. Однако, в отличие от электрички, здесь в пути следования не проверяют билеты. И “зайцев”, наверное, тоже за двери не высаживают.

Ощущение отрыва от земли было потрясающим. Словно, отбросив тело, берёшь с собой в высоту только душу. Как бы возносишься к Божьему престолу. Тьфу — три раза!.. Слегка кружилась голова. Тело потеряло вес.

Наклонный подъём рождает странное чувство. Будто тебя прислонили к кривой берёзе.

В ушах что-то лопнуло. Сначала — в одном ухе, а потом — в другом.

Вскоре мы погрузились в непроницаемо белый туман. Под нами всплыло бескрайнее ватное одеяло. В рваных просветах стремительно мелькала прожитая жизнь.

Я, наконец, осознал, что, избавившись от силы притяжения Земли, оказался в белизне, всеобъемлющей белизне. Засвербило под лопатками. Там, где должны быть крылья.

Когда самолёт приземлился в Ташкентском аэропорту, солнце уже село.

Если сегодня здесь переночуем, то завтра тронемся в Бухару. Перед этим мне захотелось посмотреть на ночной город. Может, в одном из переулков мы нарвёмся на молодого Такташа¹? Разумеется, молодого... Ведь его не коснулась старость. Или коснулась?

Может, в могилу он лёг уже вконец поседевшим, изношенным, выгоревшим? Подобные ему не умеют по каплям дозировать силы, отпущенные на весь жизненный срок. Подобно горячему валежнику, охапкой бросают их в пылающий костёр и сжигают дотла. Тогда мир хотя бы на мгновение озаряется ярким светом.

Нет, Такташ мне не встретится.

Нужно жить, глядя действительности прямо в глаза.

Такташ в Казани. Такташ мёртв.

Рафаэль, сославшись на неотложные дела, поспешил скрыться в своём номере. Оставшись с хазратом вдвоём (получается — пара бездельников), мы решили проветриться. На звук захлопнувшейся позади гостиничной двери хазрат отозвался приветствием.

— Ассалам!

— Вассалам! — донеслось откуда-то в ответ.

Улица, раздвигая завесу ночи, повела нас, едва знакомых друг с другом, в центр города.

Ташкент был тёплым. Если здешний январь полнозвучно провозгласить январём, того и глядя наш Шурале² не замедлит объявить себя Снегурочкой!

Деревья сплошь с набухшими почками. Прозрачный воздух пропитан осегающей весенней прохладой. Куда ни глянь — безупречная чистота. Машин немного. Да и те не жалуют правила дорожной безопасности. Одна из них чуть не стёрла хазрата с лица земли вместе с пешеходной зеброй. Между прочим, в тот момент я узнал, как он виртуозно ругается. По-арабски — с обилием соли и перца.

Я не очень хорошо владею этим языком. Можно сказать, вообще не знаю его. Однако готов положить голову на плаху: с такой интонацией не благословляют.

Мы миновали здание Министерства внутренних дел, обойдя его сзади. Набрели на монумент Космонавтам. Прошлись по бульвару несравненных Голубых куполов. Затем свернули вправо и, преодолев какое-то расстояние, очутились перед памятником Хромому Тимуру, эмиру Турана. Как он был отважен и велик! Как самоуверен!

От музея Тимуридов мы свернули влево.

Дальше — больше, перед глазами возникли здания Олий Меджлиса и Правительства. Мы ступили на площадь Независимости. Нам, татарам, пришлась по душе разлитая там стихия свободы...

Нежданно-негаданно наткнулись на бюст Шарафа Рашидова. Я перетряхнул все закрома своей памяти. Руководитель советского Узбекистана. Близкий друг Брежнева.

— Этот человек из хлопка свил себе аркан, — добавил хазрат. — Говорят, здесь и поныне процветает культ личности.

— Не знаю.

¹ Хади Такташ (1901–1931) — татарский советский поэт.

² Шурале — персонаж татарского фольклора, близкий к сатирам и лешим.

Во всяком случае, рядом с этим памятником величественней казалась даже лошадь Хромого Тимура...

Мы повернули назад. Вновь прошлись по бульвару Голубых куполов. На сей раз — с конца до самого начала. Добрались до барельефа композитора Юнуса Реджеби. Там длинный, просторный и ярко освещённый проспект резко обрывался темнотой. Далее мы шагали, рассекая густую ночь.

Спустя пару минут наши глаза ослепило сияние букв, выстроившихся в слово “Шарк”¹. Это был наш отель.

Наутро ни свет ни заря мы тронулись в путь. Хотя все оказались в одном вагоне, однако расселись по разным креслам, согласно купленным нашими ведомствами билетам.

Рафаэль и хазрат расположились впереди меня. А я всю дорогу мучился, борясь с неодолимой сонливостью. В минуты просветления замечал маячившую перед носом чалму хазрата. При виде её, радуясь наличию путеводного маяка в жизни, я тут же впадал в беспомыслие.

Хотя и Рафаэль тоже мог бы служить ориентиром. Информированный. Спокойный. Основательный. Известна ли ему поговорка “Семь раз отмерь...”? Нет, наверное. Он всегда отмеряет восемь раз. И никогда не отрезает. Потому что хорошо знает: отрезанный ломоть обратно не приклеится. С Рафаэлем легко вести общие дела. Если крепко ухватишься за полы его пиджака, то живьём влезешь в рот дракона и целым-невредимым выберешься из выхлопной трубы.

Однако он ниже ростом, чем хазрат. Я не смог отыскать его взглядом за высоким изголовьем кресел.

Одним глазом я смотрел на чалму, а вторым — в окно. Там — ярко-жёлтые, а местами выгоревшие добела сухие поля... Исполосованные канавами... Там — голые саженцы, которые со временем будут сгибаться от обилия плодов и ягод... Там — заборы и ворота, сооружённые из арматуры... Обвитые виноградной лозой, они вскоре станут воротами в рай.

Там — моё кривое отражение. Портит прекрасный пейзаж.

Нас встретили прямо на вокзале. Поздоровались, познакомились. Оказалось, эти двое парней из департамента туризма. Мои ровесники.

В один голос поприветствовали:

— Xush kelibsiz!²

Искажённый татарский язык царапнул ухо. То ли чуждый нам алфавит так на него подействовал? Узбекистан уже тридцатый год уверенно шагает по пути перехода на латиницу.

— Здравствуйте! — ответили мы на татарско-кириллическом наречии.

Потом уже слышали сказанное ими по-нашему:

— Заместитель хокима Шахрияров ждёт вас во второй половине дня, — объявили нам.

До назначенного срока оставалось немало времени. Первым делом следовало избавиться от тяжёлой поклажи, отряхнуть дорожную пыль, ополоснуться в душе. И только после того, как извлечённый из недр дорожной сумки костюм будет отглажен и надет на освежённое тело, сам я буду по-жениховски причёсан и надушен, появится возможность идти с визитом куда угодно.

Поселились в отеле “Кукельдаш”, считай, в самом сердце древнего города. Тёзке знаменитого медресе. Они находились на расстоянии вытянутой руки друг от друга. На площади Ляби-Хаус.

Об этом мы узнали, конечно, позднее.

Январь для этих мест, оказывается, время простоя и бескормицы. Стаи туристов налетят только ближе к маю. Говорят, сейчас холодно: термометр показывает десять градусов тепла. Отели, чайханщики, базарные торговцы — все! — как медведи зимой, в дремотном состоянии сосут лапу.

Бухара истосковалась по людскому вниманию.

¹ Шарк — Восток (араб.).

² Xush kelibsiz — добро пожаловать (татарско-тюрк.).

В отеле наше появление восприняли, как гуманитарную помощь... Я растрогался. Опустошил дорожную сумку. Не забыл нацепить на шею галстук. Приготовления закончились.

К моменту нашего спуска на ресепшен один из парней уже исчез. Второй, назвавший себя Джигангиром, встал с кожаного кресла:

— Почаёвничаем?

Под сердцем что-то одобрительно ворохнулось.

Минова узкие улицы, мы приблизились к памятнику Ходже Насреддину. Перед нами — умопомрачительное по красоте зрелище. Ляби-Хаус! Дворцовый ансамбль, расположенный вокруг искусственного водоёма. Словно ожившая сказка, сошедшая со страниц древних книг, живое чудо!

Бухара вся оказалась такой.

Мы нашли пристанище в ресторане возле ханаки¹ Надира Диванбеги. Стол ломился от яств: наваристая жирная шурпа, жареное мясо, тающий во рту кебаб, плов — от одного запаха потеряешь голову, ей-богу! Блюда с ягодами и фруктами. Восточные сладости. Чай, рекой льющийся в пиалы.

Забегая вперёд, отмечу: почтительное уважение к нам было неистощимым. В урочный час — всегда, везде приветливые лица, щедрое угощение.

Я то и дело норовил потянуться во внутренний карман пиджака. Однако хазрат пресёк моё искреннее намерение, огрев таким взглядом... — до явного ощущения удара по руке:

— Брось, на Востоке так принято! Обидишь...

Затем, стянув последний кусок курдючного жира с шампура, добавил:

— Гость — ишак хозяина².

Теперь не сможешь возразить, даже если на тебе захотят прокатиться верхом.

Если у них “чаёвничать” так выглядит, то каким же должно быть “пообедать”?

Перед глазами встала Аида, соблюдающая диету со дня своего рождения. Будто попал в её кошмарный сон.

Вволю насладившись, мы направились в хокимат. Батырджан-ака Шахрияров встретил нас у входа, сопровождал в кабинет. Прониклись взаимопониманием. Завязалась тёплая, оживлённая беседа.

— Шигабутдин Марджани — великая личность, — сказал он. — Свою часть работы мы сделаем как можно скорее. Документы в кратчайший срок лягут на стол хокима.

Мы услышали наимприятнейшие мнения о Татарстане, татарском народе, особенно о хоккейной команде “Ак Барс”. Речь человека, сыпавшего похвалами, как из мешка горохом, несомненно, должна была закончиться какой-то просьбой.

И — как в воду глядел! В завершение беседы он, отринув официоз, спросил по-дружески:

— От нас дополнительная помощь требуется?

Даже из опасения обидеть поневоле кивнёшь.

Хотя какая там помощь! Мы и без того нашли одобрение на самом высоком уровне! Татарстан, конечно же, все расходы берёт на себя. Скульптора найдёт, надписи выгравировует, доску привезёт и установит. Как условились, надписи будут сделаны на трёх языках: узбекском (на латинице), русском, татарском. Однако здание “Мир Араба” велико. К тому же оно — наследие ЮНЕСКО.

— С наружной стороны в стену медресе нельзя забивать гвозди, — предупредили нас.

В Казани этот вопрос решился бы довольно легко... Мы не сторонники формализма. Здесь волей-неволей пришлось подчиниться.

Батырджан-ака:

— Джигангир — мои глаза и уши, — сказал на прощание. — Передаю его в ваше полное распоряжение.

¹ Ханака — жилище суфиев.

² Татарская пословица.

Тут же повернулся к своему сотруднику:

— Гости уже чаёвничали?

В один голос вырвалось:

— Да!

— Тогда до свидания.

— Спасибо!

Солнце плавилось в небе, исподволь орошая жаркими лучами аорту. Самые тёмные уголки души озарились светом. По каждой жилке пробежало тепло. На приливе блаженства, преисполнившись радостных чувств:

— Абанамат! — исторгла разверстая грудь.

Однако хазрат успел снять с языка то, что я хотел выразить:

— Хвала Аллаху, милостивому и милосердному!

Мы направились к знаменитому “Мир Араб”. Заведующий медресе был предупреждён — уже ждал нашу делегацию. Татарин не поверит, пока не пощупает. Мы договорились сообща определить место, где будет установлена памятная доска. Ведь речь идёт о Марджани! Здесь нельзя действовать абы как. Мы не согласимся на первый попавшийся закуток.

Когда этот вопрос утрясётся, определятся примерные размеры доски и прочие детали, можно будет собираться в обратный путь. А перед этим хорошо бы успеть закупить кое-каких подарков и гостинцев.

Мы исчезнем над Бухарой с лучами заходящего солнца.

А когда проснётся утренний лёгкий ветерок, от нас не останется и следа. Новый день затоскует по нам.

Бухара-и-Шариф! Благословенная Бухара!

Вечности не хватит постичь реальность такого чуда! Подвластно ли человеческой руке создание подобных сооружений?

Пусть хазрат простит: этот город родился, наверное, из радостных слёз Всевышнего! Как иначе объяснить эту захватывающую дух красоту, при помощи каких доводов? Я бессилён описать словами даже малую толику увиденного.

Бухара — это поэма в камне. Мельчайший штрих начертания любой из её букв превосходит меня величиной и величием. Бесчисленные узоры на зданиях — словно затейливая вышивка!

Божественное зрелище!

Ступив на площадь Пои-Калян, словно переносишься на несколько столетий назад. Потом постепенно начинаешь возвращаться в день сегодняшний. Каждый шаг — целая эпоха: Саманидов, Шайбанидов, Аштарханидов, Мангытов...

Вот легендарный Сиявуш, разрезая полосами бычью шкуру, намечает границы крепости Арк...

Вот повергнувший Бухару Чингисхан застыл как изваяние перед несравненно прекрасным минаретом Калян. Строение — величественное! Вершины — не достичь взглядом! С головы завоевателя, устремившего взор в высоту, слетает шлем. Чтобы поднять свою медную шапку, он наклоняется к земле и... невольно восклицает:

— Уж не поставила ли ты меня на колени, Бухара?..

Вот Убайдулла-хан продаёт в рабство три тысячи персидских пленников ради строительства медресе для Абдуллаха аль-Йамани...

Вот Шигаби-шакирд в библиотеке медресе “Кукельдаш” выводит на бумаге первые предложения сочинения “Вафийател-асляф”...

Эта почва удобрена костями праведников и святых суфиев. Здесь с каждого холма нисходит свет просвещения! Божественная благодать!

Прийти в этот бранный мир и уйти из него, не увидев Бухару, — всё равно что родиться слепым и жить, не видя солнца. Я не верю, что на земле есть более прекрасное место. Бухара — целомудренная восточная принцесса!

Я влюбился в неё без памяти.

Шакирд взял в руки изумрудную зелень и белила.

Последнюю краску он особенно почитал. Потому что она вобрала в себя всё: рождение, жизнь, смерть... Вроде бы и нет её, однако, безусловно, она есть. Никогда не выглядит кричащей, не бросается в глаза.

В детстве он как-то был одержим мечтой сделать всех кур белыми. Не поставив в известность домашних, прицеплял к курицам-пеструшкам пестушиные хвосты, в результате большая часть их была пущена под нож отцом. Сам потом сожалел, конечно. Признавался, что это была глупая затея.

Всё великолепие природы — в разнообразии.

Шакирд окунул острое перо в стеклянный сосуд. Склонился над красным зубчатым венцом бутона, чтобы окаймить его. Стоило прикоснуться к плотной бумаге кончиком пера, как цветок вспыхнул и волшебным образом преобразился. Рождённый из небытия рисунок набирал всё больше объёма и густоты. В завершение была проведена изумрудно-зелёная полоска.

Не из “Тысячи и одной ночи” ли ему приходит на память? Мол, однажды этот прекрасный цветок сказал кубку вина и горящему очагу: “Я опьяняю, не касаясь губ, и горю неугасимым огнём”.

Время послеполуденной молитвы прошло, день клонился к закату. Шакирд сложил рисовальные принадлежности на доску. Затем, облачившись в расшитый чепан, как ранее и было условлено, поспешил предстать перед своим наставником — Бабарафиком-дамеллой. Считая хлопоты излишними, он не стал запира́ть дверь за собой.

Комната была тесной.

Казалось, если вдохнуть полной грудью, то, лишив пространство воздуха, упрёшься в четыре стены. Плечи задевают потолок. Единственное окно украшено многоцветным орнаментом, похожим на кружево. Сквозь него просачивается тусклый свет.

— Всего сто четырнадцать худжр¹. По количеству сур Корана, — сказал Хайдархан-ака. А сам прошёл вперёд, подёргал за ручку окна. Убедившись, что оно открыто, поднажал на раму и опустил шпингалет.

— Здесь действительно жил Марджани? — поинтересовался я.

Рафаэль украдкой улыбнулся:

— Собираешься расспросить его соучеников?

Видя, что я всё ещё не пришёл в себя, посчитал нужным добавить:

— Символически, конечно.

— Ладно, — ответил я, соглашаясь.

Народная поговорка настоятельно рекомендует много раз подумать, прежде чем приветствовать нищего.

Наши души тоже глодал червь стяжания. Позабыв о стыде, мы попросили на двери одной из худжр-келий закрепить памятный знак, небольшой — величиной хотя бы с заплатку. Ведь здесь (якобы) жил сам Марджани! Здорово же?

Они вновь согласились. Более того, уговорили нас установить ещё одну мемориальную табличку с надписью “Здесь учился Марджани!” в учебном классе на нижнем этаже. На сей раз уже мы согласились. Потом, последовав за заведующим медресе, прошли в тёмный коридор. По узкой извилистой лестнице шаг за шагом спустились во двор.

“Мир Араб”, как и множество зданий в Бухаре, был выстроен весьма своеобразно. Похож на четырёхугольный дом с отсутствующей кровлей, не так ли? Вместо толстых стен — по обеим сторонам внушительного портала в два этажа выстроились худжры. За ними, внутри, — четырёхайванный двор. Над ними вознеслась к небу пара куполов. На их бирюзе — сверкание бриллиантов!

— Будто в каменном мешке очутились, — сказал Рафаэль, озираясь по сторонам. У каждого своё видение.

— Зато в летний зной здесь комфортно, — ответил заведующий медресе. — С какой бы стороны солнышко ни светило, тут всегда прохладно, тенисто.

¹ Худжра — комната (араб.).

— Как вам, если на том айване¹?

Они подбирали место для установки третьей, то есть уже для основной, памятной доски.

Хайдархан-ака повернулся туда, куда указывал Рафаэль.

— Давайте посмотрим.

Чтобы увиденное не опрокинуло меня навзничь, я постарался найти своей спине какую-то опору. Но что же за ней? Казанский кремль? Башня Сююмбике²? Если навалось всей тяжестью, выдержит ли она?

Чёртово городище³? Гладкие камни Чёрной палаты⁴, скреплённые цементом нового века?

Почему я не ощущаю их тепла?

А тут — лицо обжигает... Не потому ли, что восстановление Булгарского городища пришлось на то же самое время, когда разрушались номера гостиницы “Булгар”⁵? Со своей чиновничьей каланчи мне в полной мере ясно, как делаются такие дела.

— Почему “Кукельдаш”, а не “Ширдар” в Самарканде?

— Как?

Хазрат возник, словно из преисподней.

— Марджани ведь учился и там, и там. Почему памятная доска устанавливается именно здесь?

— Не знаю, — ответил я.

— Разве не вы решали этот вопрос?

— Нет. Мы люди маленькие.

— Кто же тогда? — Хазрат и вправду был в недоумении.

— Другие. Мы — только исполнители.

— Вы же берётесь только за те задания, что по душе?

Оставив вопрос без ответа, я пристально посмотрел на хазрата. В его взгляде что-то погасло, но вспыхнуло нечто иное:

— Таков мир, да! Кто не работает — тот не ест.

Оставив меня в состоянии полного одиночества и крайнего смятения, он зашагал прочь.

Цок-цок. По мощёной камнем поверхности. Судя по всему, незавидная нам выпала участь... Содеять то, к чему не лежит душа. Это — всего лишь моя обязанность, я должен выполнить её как функционер, но как человек — категорически против, говоришь себе.

Расщепляя свою личность надвое, ищешь утешения. Пытаешься убедить свою совесть в правильности такого образа жизни, ясно понимая при этом, что несёшь вздор, но всё равно стараешься поддаться самообману, как слепой щенок с привязанным к шее кирпичом. Хоть вдоль, хоть поперёк обдумывай, ты — всё равно это ты!..

— Нет! — утешаешь себя.

Так, наверное, ищут самоуспокоения ретивые стражи порядка, подавляя уличные волнения. Как когда-то приободряли себя айнцагруппы. Прежде чем помыть руки и потянуться за куском хлеба.

Без сомнения, хазрат впал в глубокие раздумья. Однако свои мысли не озвучил. Он был милосерден. Исходив двор вдоль и поперёк, снова подошёл ко мне:

— Ты какого мнения о Шигабутдин-хазрате?

— Положительного, — ответил я. — Ведь уже указ вышел.

— Я говорю, ты сам как относишься?

— Положительно.

¹ Айван — в исламской архитектуре: сводчатое помещение, с трёх сторон обнесённое стеной и открытое с четвёртой стороны.

² Башня Сююмбике — проездная дозорная башня в Казанском кремле, архитектурный символ Казани.

³ Чёртово (Елабужское) городище — остатки укрепленного поселения на берегу реки Камы, рядом с городом Елабуга.

⁴ Чёрная палата — памятник золотоордынского периода в городе Болгар.

⁵ “Булгар” — бывшая гостиница в городе Казани. С 1907-го по 1913 год здесь проживал выдающийся татарский поэт Габдулла Тукай.

— Знаешь ли стихотворение Габдуллы Тукая о нём?

— Знаю.

— На вершине надгробного камня Марджани есть небольшой, в обхват двумя ладонями, точёный шар. “Как полная луна на небе осиянном, взошёл Шигаб-хазрат...” Уразумел?

Внезапный шквал эмоций, пройдя холодным потоком по лёгким, ударил прямым в висок.

— Замечательно! — воскликнул я, не скрывая чувств. — Первый раз слышу.

— Значит, место его упокоения тебе неведомо...

Хазрат был сух и холоден, как воздух Бухары.

Правда, воздух Бухары ещё и солоноват.

Наконец, я стал воспринимать себя паласом, вывешенным в середине марга на улицу. Что за безостановочное битё-колотё, право слово!

Только пыль летит.

Нас позвал Хайдархан-ака:

— Согласно своему завещанию, Абдуллах аль-Йамани нашёл вечное упокоение в “Мир Арабе”. К тому времени он — шейх тариката Накибандия, призывавший народ Мавераннахра восстать против Кызылбашского государства, наставник и учитель Убайдуллы-хана. Кстати, Убайдулла-хан просил и его самого предать земле рядом с ним... Давайте пройдем внутрь усыпальницы. Сообща совершим молитву.

Хазрат наклонился к моему уху:

— Многие правители Мавераннахра после смерти старались пристроиться рядом с прославленными суфиями. Они верили, что таким образом окажутся ближе ко Всевышнему. В этом вся суть человека: одним разом хочется достичь блага обоих миров...

Я не поспевал за событиями, которые излагал Хайдархан-ака. Спотыкался и падал на каждом предложении. Что имел в виду хазрат — не понял вообще. Рафаэль же, улыбаясь краешком рта, пальцем бегал по экрану телефона. Видимо, искал значение слова “тарикат”.

Вернулись в отель, собрали вещи. Ключи от номеров скользнули на стойку ресепшена. Возле них выросла горка купюр с портретом Улутбека-мирзы. Провожая нас, в один голос сказали:

— Приезжайте ещё!

— Прощайте! — ответили мы.

Козья тропка, ведущая к аэропорту, пересекала два-три базара. Пока мы металась по ним туда-сюда, к нашим рукам, как магнитом, притягивались нават, орехи, косточки вяленой дыни, сладости вроде халвы, всевозможное тряпье. Когда дорожные сумки уже лопались от содержимого, мы наткнулись на развал старья. Золотанные книги, посуда со скелотыми краями, аляповатые картины... Однако мы не стали там задерживаться — времени, как и особого интереса, честно говоря, было мало, — да и продавец не попался на глаза.

Прежде чем окончательно исчезнуть из Бухары, хазрат бросил на неё прощальный взгляд. Напустив невероятной загадочности, произнёс:

— История — это более будущее, нежели прошлое. Вот ради чего нужно жить! Каждый день приходит к концу. А будущее не заканчивается.

Моё уже давно устоявшееся мнение на сей счёт ничто не могло пошатнуть. Даже хазрат не способен убедить меня в обратном: я сторонник того, чтобы жить *сегодня*.

На пограничном контроле выжали все соки, умучили вконец. Моя физиономия, что ли, уже не вызывала доверия? Хазрат клялся и божился:

— Мы вместе с ним, мусафиры! — Только после его увещаний тёмные тучи на лице дамы-контролёра рассеялись.

Зарегистрировались. В паспорте шлёпнули зелёную печать. Разместились в зале. Впереди была долгая ночь. В ночи — долгая дорога. Казавшийся до-

Мусафир – здесь: путник (араб.)

селе невозмутимо спокойным хазрат вдруг начал беспокойно ёрзать. Развитие событий приняло тревожный оборот. Во-первых, неожиданно умолк диспетчер, только что призывавший приготовить билеты. Во-вторых, внезапно вспыхнул висевший на стене телевизор. Если верить московским журналистам, то всю Россию, как в байке барона Мюнхгаузена, занесло сплошным снежным покровом... В-третьих, наконец, объявили:

— Рейс откладывается на шестьдесят минут.

Услышав это, хазрат перешёл сплошь на арабский язык. Его брань повисла всюду: и на врату диспетчера, и на экране телевизора, и на крыльях задержанного самолёта.

Поскольку мы с Рафаэлем были лишены такого дара, то ограничились красотами русского языка. А как иначе изъясняться, если сообщение прозвучало как обухом по голове: мы автоматически опаздывали на рейс Москва — Казань. Однако оказалось, что положение хазрата в тысячу раз более скверное, чем наше. Перейдя на татарский, он сказал:

— Я ведь уже успел принять “Драмину”! — возопил он.

Что это означает, до нас вскоре дошло.

Хазрат переменялся прямо на глазах. Он полчаса жевал во рту обращённые к нам слова, словно щёки его были скованы морозом. Потом вообще, так и не прожевав, проглотил. Обширный, как луговое пространство, аэропорт для него словно сузился. Хазрата то к стене прибывало, то на окне распластывало. Мы уже стали опасаться, как бы не убили, но он резко обмяк. Его веки отяжелели. Тело, будто лишённое позвоночника, утратило устойчивость. Мы отволокли его на сиденье. Сполз. Успокоился только тогда, когда сверху придавили его дорожными сумками.

Шестьдесят минут превратились в девяносто, а два часа — в три.

А потом и вовсе объявили:

— Приходите завтра.

В полночь мы очутились в арендованном авиакомпанией отеле “Азия”.

На ресепшене при виде цветов моё сердце будто опалилось молнией. По кровавым руслам пробежал огонь. В смятённом состоянии, совершенно растерявшись, я только охнул:

— Парни, — сказал, — Такое дело... Очень дорогому человеку я обещал привезти альенький цветочек. Вместо подарка. И...

— Не понял, — отозвался Рафаэль. — Как в той сказке?

— Ну да.

— Это малое дитя?

— Нет, — ответил. Сказать ему или нет? — Аида.

На лице Рафаэля отразилась широкая гамма чувств. После чего, повернувшись к некто с бейджиком, он надтреснутым голосом повелел:

— Дайте мне отдельную комнату!

Пьяному и вправду лучше не трезветь. Хазрат, к которому ползком, на карачках возвращался рассудок, будто по уху треснул:

— Обещание — это святое! — заявил он. — Вместе переночуем!

Наутро он разбудил меня вместе с бухарскими петухами. Рывком раздвинул портьеры. Моё лицо словно опалило огнём преисподней.

— Солнца постыдись!

Что поделаешь, другого выхода не оставалось — я повернулся спиной к окну.

Кстати, о птичках. Здесь раньше, даже ещё в период Шарафа Рашидова, было много аистов. Глядя на старинные фотографии, видишь, что на каждой башне, включая Чор-Минор, Ходжа-Гаукушан, красуется чёрная чалма. Столетние гнездовья! А потом из города ушла вода. Следом и птицы.

В действительности эти тонконогие не приносят детей. В низинах они охотятся на маленьких зайчат. Несчастные малыши, оказавшись на кончике их клюва, прежде чем испустить дух, издают голоса, напоминающие плач младенца. Исток красивой легенды об аистах подкреплён этим фактом!

А теперь хазрат, чисто аист, подцепил меня за мочку уха:

— Вставай давай, вставай! Базар уже открылся, наверное. Обещание — это святое!

Я был загнан в тупик — и отправился с ним.

По пути постучали и в дверь Рафаэля. Однако человек, приятный во всех отношениях, словно не желая мириться в мягкой постели с кошмарным сном, послал нас как можно дальше:

— Я сплю!

Впрочем, в корне ошибся — базар Токи Тельпакфурушон был совсем рядом с отелем.

Мы окунулись в торговые ряды. Хазрат шастал то туда, то сюда. Ощупывал каждый разложенный на прилавке предмет. Папаху наденет, чувяки снимет. Расспрашивал продавцов о житье-бытье, интересовался родословной. Когда он выяснил, что Сайфулла-ака является кузнецом в шестом поколении, а его жена в детстве мучительно тяжело перенесла заболевание корью, я, наконец, не выдержал:

— Хазрат, может, цветок поищем?

— Ёкарный бабай, а сам ты разве не смотришь по сторонам? — удивился он. И — ни на йоту не умерил своего всеядного любопытства.

Нож Бухары надвое расщёк мою душу, тонкую, как папиросная бумага.

В дальнейшем я удвоил своё внимание. Но как бы ни буравил насквозь взглядом прилавки, ничего достойного внимания не находил. Наиболее близок к чаемому мной оказался плод граната, сделанный из фарфора. Если очень постараться, то, возможно, Аиду удастся убедить в том, что это альенький цветочек. Если очень постараться. Быть может. Но я не решился.

Базар, будучи не в силах ужаться под куполом, выплеснулся за свои пределы. Нарезав бесцётное количество кругов, мы нарвались на кучу старья. Залатанные книги, сколотая посуда... Я испытал дежавю. Взгляд мой остановился на одном из красочных рисунков. Там был изображён поразительно объёмный тюльпан. Хотя цвета немного поблекли, но не в полной мере: мазки белой краски на кончиках ярко-красных... впрочем, красных ли?.. лепестков; изящный, как девичий стан, изумрудный стебель; закрученный, как запятая, листочек... От этого произведения вкупе с простодушием разило какой-то совершенно непонятной значительностью, глубиной.

Тем временем, будто джинн из лампы, напротив материализовался хозяин.

— Бери это, — сказал хазрат.

— Даже не знаю, — сказал я, закусив нижнюю губу.

— Бери, клянусь Богом, не пожалеешь!

Согласитесь, стоит доверять словам священнослужителя, призвавшего в свидетели Аллаха. Потому я пристально посмотрел на продавца:

— Сколько?

И был повержен сногшибательным числом, чьи цифры выстроились в моём воображении подобно шеренге весенних аистов.

Более того! Даже хазрат забыл, как изъясняться по-арабски.

— Может быть, мы ведём речь о разных валютах?

— Нет, — ответил хозяин. — Это очень дорогой экземпляр. Деятнадцатый век. Из наследия нашего почитаемого Бабарафика аль-Худжанди-дамеллы. Потомки передали.

— Сколько уступите?

— Я вам назвал цену со скидкой.

Пришлось некоторое время почесать затылок. Не скрою: рисунок пришёлся мне по душе. Встретится ли что-нибудь подобное ещё раз? Сомнительно.

Я пошарил на дне кошелька.

Хазрат же, заключив продавца в объятия, начал умасливать его:

— Почин всего дороже!.. — Наконец эти слова, кажется, возымели действие. Четверть суммы была сброшена.

К сожалению, у меня не оставалось даже таких денег.

— Попробуй ещё разок проявить усердие, — попросил я хазрата.

То ли он пообещал ему в раю личный надел, то ли райских гурий по количеству седых волос, — не знаю, однако продавец скинул уже половину цены рисунка.

Хоть это не повод петь хазрату дифирамбы, но нельзя не признать: отношение к нему здесь, действительно, было совершенно иным. Его ещё издали замечали и узнавали. Прикладывая руку к сердцу, приветствовали. Везде, где бы он ни оказывался, — ему уступали почётное место.

Ревновал ли я? Наверное, нет. Завидовал ли?.. Скорее, нет.

У каждого своё предназначение. У каждого свой путь.

На пороге отеля нас встретил Джигангир. Настойчивыми уговорами всех собрал и повёл в благословенную чайхану.

После обеда я предался смешанным чувствам. Настроение вроде приподнялось, но на душе всё равно было мутно. Забыв поблагодарить, я занудствовал:

— Опять живот начнёт расти.

Однако хазрат и на сей раз вправил мне мозги:

— Не ворчи! Дома вместе с законной женой будете укреплять пресс.

Ковыряясь в зубах, Рафаэль поинтересовался:

— Аленький цветочек удалось найти?

— Да, — ответил я.

— Тогда почему мы всё ещё здесь?

Я, будто язык проглотив, пожал плечами.

— Наверное, чтобы подольше наслаждаться, вдыхая воздух Бухары, радоваться ощущению тепла святой земли, — поспешил на помощь Джигангир.

Следуя за ним, мы прошли через еврейскую махаллю города. Хазрату понравилась надпись “Мечеть “Синагога””.

Поклонились в мавзолее праху Саманидов¹.

Внутри величественного здания прямоугольной формы, сооружённого из обычных, плотно пригнанных друг к другу кирпичей, не было ничего, кроме одинокой могилы, покрытой надгробным камнем.

— Здесь похоронено несколько поколений эмиров, — пояснил Джигангир. — Сам Исмаил Самани. Его отец Ахмад ибн Асад. Сын Ахмад ибн Исмаил. Говорят, если приложишь ладонь, искренне задумаешь желание, без сомнения, твой род приумножится.

При соприкосновении с холодными каменными узорами рука произвольно дёрнулась.

Вздор! Нужно быть реалистом.

Здесь, коль уж речь зашла о потустороннем, мне хотелось бы поведать о Чор-Бакре — Городе мёртвых. Но не смогу этого сделать. Мы не успели туда попасть.

Нас призвали вернуться в отель. Едва проверили готовность дорожных сумок, как в номере зазвонил аппарат:

— Джигангир предлагает не уезжать насухо. — Это был Рафаэль. — Уговаривает промочить горло. Спустишься на ресепшен?

Почему-то спросил:

— Мне одному?

— А кого ещё взял бы с собой?

И впрямь: не станешь же соблазнять таким предложением хазрата. Спустился на первый этаж. Джигангир налил напиток “Бухара”, напоминающий чай. Махнули.

Говорят, когда пьёшь французский коньяк, думаешь о женщине. Когда пьёшь армянский коньяк — о французском коньяке. А тут — узбекский. О чём думать — непонятно.

Снова махнули. Как ни жаль, но долее “махать” времени не было. Джигангир проводил нас до аэропорта. Простились.

На сей раз самолёт таки оторвался от Бухары. И всё пережитое здесь, всё в мгновение ока превратилось в далёкую историю.

* Саманиды — иранская правящая династия, основавшая Саманидское государство, которое существовало на территории Хорасана и Мавераннахра (ныне территории Ирана, Таджикистана, Афганистана, Туркменистана, Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана и Пакистана) в 875–999 годах.

Когда мы достигли земных пределов, сидя в креслах, наши ноги повисли плетьюми. На невысказанной даже для птиц высоте житейские хлопоты столь суетны, мелки, жалки. Я ощутил, как горячат грудь светлые лучи. Предаваясь безумной неге, потянулся к багажной полке. Открыл папку с рисунком.

— Взгляни-ка, хазрат, понравится ли этот тюльпан Аиде?

— Не тюльпан, а лале¹, — поправил меня сосед. Сегодня он не стал принимать лекарство. И без того задремал у небес за пазухой. Он тут свой человек — что поделаешь!

— Разницы никакой, по-моему.

Хазрат, не соглашаясь, нахмурил брови:

— Нет. Лале — это цветок Аллаха. Они оба имеют одинаковые буквы: алиф, лям...

— Мим.

— Такой буквы там нет.

— Понравится ли Аиде?

— Почему не понравится?

— Ну, цветочек же не очень-то аленький.

Это обстоятельство, действительно, вызывало смутную тревогу.

— А какой?

— Ну, коричневый.

— Тогда смотрите на него глазами души.

Он захрапел. Я опять ткнул его в плечо:

— Хазрат, — сказал я, — погоди, не впадай в летаргию.

— Что?

— Тут, кажется, и надпись какая-то есть?

— Есть.

— “Лале” там, да? Я вроде вижу знак, похожий на рыболовный крючок...

— Шахада там написана.

Обычно, если из трёх слов понимаешь значение двух, то можно вникнуть в смысл предложения. Однако это было такое слово... ничего не поймёшь.

— А что это такое?

— Ашхаду анля иляха иллаллах ва ашхаду анна Мухаммадан расулуллах.

Чтобы осмелиться задать ему ещё один вопрос, мне потребовалось немалое мужество:

— Как это переводится?

— Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммад, салаллаху галяйхи вассалам, — его посланник.

Я только в ту минуту осознал, отчего так жгло мою грудь.

Изливая душевную муку:

— Хазра-ат! — простонал я. Трагедия моя вырисовалась в полный рост. — Аида же... крещёная татарка!

Он сдвинул свою бухарскую папаху на затылок и, не приходя в сознание, буркнул:

— И что с того?

Затем с новой силой принялся храпеть.

Одновременно с ним Рафаэль дерзновенно брал куда более высокие ноты. В окружение двух рулад я остался один-одинёшенек.

Слава Аллаху, мы живыми и здоровыми вернулись домой.

С солнечного январского утра началась новая жизнь.

Возвышающаяся на левом углу стола куча бумаг, как и прежде, к концу рабочего дня переходила на правый угол. Тем временем старым порядком сыпались резолюции, принимались решения... голова кругом.

Мой подарок Аида повесила в центре кабинета. На стене рядом с панно.

Теперь этот рисунок всегда будто довлеет надо мной.

¹ Лале — тюркское название тюльпана.

В Бухаре были открыты памятные доски. Сразу три: в учебном классе, в худжере и в айване двора. Последняя получилась особенно красивой. На постаменте в половину человеческого роста. В виде древнего ярлыка.

Потом у нас с Рафаэлем одновременно родились дети. У него — сын, у меня — дочь. Не знаю, как так совпало...

А перед этим я запросил книги, имеющие отношение к Шигабутдину-хазрату. Досконально изучил биографические сведения, основные труды, воспоминания современников, хвалебные отзывы и некрологи.

Весной, как только земля освободилась от снега, я направился в Новую слободу. На татарское кладбище. Найдя нужную могилу, возложил цветы. Розовые лале. Цветы Аллаха.

Вперил взор в старые полустёртые надписи на камне. Вновь почувствовал себя совершенно слепым. И был столь же обескуражен: на вершине памятника обнаружился хилал, тонкий серп растущей луны...

Вернувшись в свой кабинет, я расположился в кожаном кресле и позвонил Рафаэлю. По прямому номеру. Минуя секретаря. Разговор получился сумбурным.

— Не удосужился записать. У тебя есть номер хазрата?

— Какого хазрата? — спросил он.

— В чалме и чапане.

— Ха!

— С кем мы вместе побывали в Бухаре.

— Ты здоров? — Голос в трубке стал серьёзным.

— Абсолютно.

— В Бухаре мы были только вдвоём.

*Перевели с татарского
Гульсира Гайнанова и Галина Зайнуллина.*